УДК 340.1+34.023
DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-4-398-412

CC BY

Оригинальная научная статья

Методологические аспекты динамики правоотношения как социального и юридического феномена

Ирина Леонидовна Вершок*

✉ viarshok_irina@mail.ru

Пр. Независимости, 4, Минск, 220030, Республика Беларусь

Аннотация. Статья посвящена изучению правоотношения как феномена, по-разному проявляющегося в двух модусах бытия права: правовой реальности и правовой действительности. Подвергаются критике классические подходы к определению правоотношения как урегулированного правом общественного отношения, а также его узкое понимание в качестве результата реализации правовой нормы при условии наличия соответствующего юридического факта. Признается, что эти подходы не полностью обеспечивают научную характеристику правоотношения как социального и юридического явления. Вместо обычно выделяемых элементов правоотношения в виде субъекта, объекта и содержания предлагается изучение иных, динамических его характеристик. Динамика правоотношения рассматривается как результат интенциональности правового сознания его субъекта. В правовой реальности правоотношение изучается как социальное действие в условиях адаптации субъекта к окружающей среде. Оно обусловлено общей нормативностью биологического, социального и технического происхождения. Рассматривается витальная нормативность правовой реальности как детерминанта правоотношения. Локус контроля в данном модусе правоотношения внутренний, он сосредоточен на субъекте, реализующем свои права и выполняющем обязательства. В правовой действительности правоотношение обусловлено интенциональностью правового сознания субъекта реализовать норму права за счет юридического взаимодействия с другими участниками правоотношения. Нормативность правовой действительности базируется на юридическом нормировании посредством правовых актов (индивидуальных и общих). В правоотношении такого модуса бытия права субъекты осуществляют свои юридические возможности при условии исполнения возложенных на других юридических обязанностей. Локус контроля смещается на иных участников правоотношения, реализующих свои права и выполняющих юридические обязанности. В юридическом взаимодействии взаимное признание права обеспечивает инстанция и (или) сторона правоотношения. В правовой действительности физическая, социальная и ценностная, а также витальная нормативность дополняются юридической нормативностью. Она призвана нивелировать вызванные ограниченностью пространства, а также необратимостью времени социальные противоречия. Доказывается, что предложенная концепция правоотношения способствует решению практических вопросов первичности нормы права или правоотношения, пересмотру критериев дифференциации системы права, определению соотношения правоотношения и правонарушения, научному рассмотрению некоторых отраслевых проблем классификации правоотношений. Отмечается, что предложенная концепция правоотношения как социального действия или юридического взаимодействия, существующих соответственно в правовой реальности или действительности права, является достаточно условной и применимой в познавательных целях. На практике достаточно часто происходит пересечение или взаимное наложение одного типа на другой, переход из модуса правовой реальности в правовую действительность.

Ключевые слова: правоотношение; социальное действие; юридическое взаимодействие; правовое сознание; интенциональность правового сознания; нормативность; правовая реальность; правовая действительность; субъект права.

Для цитирования: Вершок И. Л. Методологические аспекты динамики правоотношения как социального и юридического феномена // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 4. С. 398–412. https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-398-412

© Вершок И. Л., 2021

* Доцент кафедры теории и истории государства и права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2758-7174

Original scientific article

Methodological Aspects of the Dynamics of Legal Relationships as a Social and Legal Phenomenon

Irina L. Vershok**
✉ viarshok_irina@mail.ru
4 Nezavisimosti ave, Minsk, 220030, Republic of Belarus

Abstract. The article is devoted to the study of legal relationship as a phenomenon that exists in two modes of being of law: legal reality and legal validity. Classical approaches to the definition of a legal relationship as a social relationship regulated by law are criticized. The understanding of the legal relationship as a result of the implementation of legal norm is also criticized. It is recognized that these approaches do not fully provide a scientific characteristic of legal relationships as a social and legal phenomenon. Instead of the usually distinguished elements of a legal relationship in the form of a subject, object and content, it is proposed to study its dynamic parameters. The dynamics of a legal relationship is considered as a result of the intentionality of the legal consciousness of its subject. In legal reality, a legal relationship is studied as a social action in the conditions of adaptation of the subject to the environment. This legal relationship is due to the general normativity of biological, social and technical origin. The vital normativity of legal reality is considered as a determinant of legal relations. The locus of control in this legal relationship is focused on the subject exercising its rights and fulfilling its obligations. In legal validity, the legal relationship is due to the intentionality of the legal consciousness of the subject to implement legal norms through legal interaction with other participants in the legal relationship. The normativity of legal reality is based on legal regulation through legal acts (individual and general). In such a legal relationship, the subjects exercise their legal capabilities to the fulfillment of the legal duties assigned to other subjects. The locus of control is shifted to other participants in the legal relationship who exercise their rights and perform legal duties. In legal interaction, mutual recognition of the right is provided by the instance and/or the party of the legal relationship. In the legal validity, the physical, social and value, as well as vital normativity are supplemented by legal normativity. It is designed to neutralize social contradictions caused by the limitations of space, as well as the irreversibility of time. It is proved that the proposed concept of legal relations contributes to the solution of practical issues of the primacy of the legal norm or legal relationship, the revision of the criteria for differentiation of the legal system, the determination of the ratio of legal relations and offenses, the scientific consideration of some sectoral problems of the classification of legal relations. It is noted that the proposed concept of a legal relationship as a social action or legal interaction is quite conditional and applicable for cognitive purposes. In practice, quite often there is an intersection or mutual overlap of one type with another, a transition from legal reality to legal reality.

Keywords: legal relationship; social and legal action; legal interaction; legal consciousness; intentionality of legal consciousness; normativity; legal reality; legal validity; subject of law.

For citation: Vershok I. L. Methodological Aspects of the Dynamics of Legal Relationships as a Social and Legal Phenomenon. *Siberian Law Review.* 2021;18(4):398-412. https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-4-398-412 (In Russ.).

Введение

Актуальность пересмотра классической теории правоотношения в настоящее время обусловлена происходящими сложными трансформациями природной, социальной, антропогенной и технической среды, которые накладывают отпечаток на современного человека, его потребности и интересы, физические, когнитивные и иные параметры, способствующие адаптации или затрудняющие ее.

Происходит количественный рост правоотношений, вызванный расширением границ правового регулирования, проникающего уже не только в большинство сфер физического и внешних проявлений духовного мира, но также в онлайн-реальность. Кроме того, происходит узкая специализация ряда правовых норм, вызывающая появление большого количества правоотношений, неоднородных по своей структуре

© Vershok I. L., 2021

** Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Belarussian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2758-7174

и содержанию. Огульное унифицированное структурное деление всех правоотношений на субъект, объект и содержание с использованием системного анализа становится проблематичным. Например, развитие и широкое распространение цифровой реальности и искусственного интеллекта обнаруживает неполноту классической теории правоотношения в части формулировки постулатов о субъекте и объекте правоотношения, а также не помогает в поиске ответов на вопрос о субъектности искусственного интеллекта в правоотношениях с его участием.

Происходит усложнение предмета правового регулирования, что делает проблематичным структурное единообразное деление современных систем права на отрасли и институты, в том числе их дифференциацию на публично-правовые и частно-правовые. В результате выявляется несостоятельность фундаментальных исследований права, связанная с неполнотой предлагаемых критериев деления системы права на отрасли в виде предмета и метода правового регулирования общественных отношений и, соответственно, ситуативного определения границ правового регулирования методом проб и ошибок, часто приводящих к необоснованному вмешательству государства в общественные отношения.

Традиционно возникновение правовых отношений связывалось с волевой, осознанной и целенаправленной деятельностью людей, в основе которой лежал определенный способ материального и духовного производства, в свете его взаимодействия с другими общественными отношениями. В иных случаях правоотношение определялось через его связь с юридической нормой [1, с. 4]. В результате правоотношение вплоть до настоящего времени преимущественно воспринимается в качестве общественного отношения, урегулированного нормой права, а реже характеризуется как специфическая форма (иногда – разновидность) социального взаимодействия субъектов права в целях реализации их законных интересов и достижения того, что предусмотрено законом, иным источником права, в рамках которой субъекты права добиваются удовлетворения интересов, в особом порядке признанных и гарантированных государством [1, с. 81]. В результате таких определений возник ряд практических вопросов по поводу реальных правоотношений. Возможно ли правоотношение вне волевой деятельности, как в случае связи между родителями и детьми или наследованием по закону? Может ли иметь место правоотношение при отсутствии правовой нормы в случае пробела в праве?

Классический подход к изучению правоотношения, по сути, акцентировал внимание на его детерминированности правовой нормой (что соответствовало взглядам юридического позитивизма) или общественными связями (социологическое направление). Однако происходящие трансформации правоотношения как предмета исследовательской деятельности влекут необходимость пересмотра инструментов познания правоотношения как юридического и социального феномена. При этом уже появляется тенденция изучения правоотношения в новой парадигме, основанной на междисциплинарных разработках [2, с. 27–45; 3, с. 75–80], существенно проблематизирующих подход к определению правоотношения как урегулированного правом общественного отношения со структурой «субъект–объект–содержание». В работе делается попытка обобщить имеющийся позитивный опыт исследований правоотношения, дополнив его исследованием правоотношения на онтологическом уровне познания, базирующемся на знаниях о дифференциации правовой действительности и правовой реальности как двух модусах бытия права.

Методологические вопросы изучения правоотношения

Дифференциация правовой реальности и правовой действительности проведена с учетом специфики протекания сознания человека, интенционально сконцентрированного на собственных потребностях или правовой норме. Она основана на попытке решения онтологических проблем, постановка которых связана не с непосредственным существованием права, а с тем, «как нечто преобразуется в право, как безмерные притязания личности приобретают форму субъективного права, как мысль о праве преобразуется в действие самого права» [4, с. 179]. В противном случае юридические явления без надлежащего онтологического обоснования изучаются так, будто они обладают способностью к самостоятельным действиям, к собственному бытию, «в то время как единственный онтологически достоверный субъект социального действия – человек – оказывается

всего лишь оператором, на которого исследователем возложена обязанность мыслить правовыми категориями и руководствоваться нормами официального права» [4, с. 179].

Выбор в данной статье нового познавательного направления, связанного с психологическими процессами человека как субъекта правоотношения, обусловлен тем, что «даже если когнитивная наука не может предложить полного объяснения правовых явлений, она может пролить новый свет на то, как работает правовой разум и каковы основные механизмы правового познания» [5].

Таким образом, методологической основой данной работы является разделение правовой реальности и правовой действительности как двух модусов бытия права. Характерно, что такое разделение косвенно можно обнаружить в классических работах по изучению онтологических основ права. Например, «фиксация инвариантного сегмента правовой реальности, неизменного по отношению к изменчивым официальным установлениям», обнаруживается в теории Л. И. Петражицкого [6, с. 70]. Выделяемые им «атрибутивно-императивные первоначальные акты» закладывают основания для социально-психологической правовой реальности, а официальные установления составляют иной, юридический, модус бытия права – правовую действительность.

Двойственность онтологических реальностей права признает также и С. И. Максимов, выделяющий «правовую реальность, как объективно существующий мир права, данный субъекту в практике (опыте) и картину правовой реальности как модель правовой реальности, служащую средством познания и конструирования мира права» [7, с. 147].

Разделение между социальными и нормативными слоями права, «подчеркивая постоянное взаимодействие между правом как символическим нормативным явлением и правовыми практиками, порождающими и воспроизводящими это явление», прослеживается также в критической версии позитивизма Туори [8].

Кроме того, даже сторонники традиционного подхода к теории правоотношения не отрицают, что «те или иные притязания субъектов различных общественных отношений могут вначале фактически удовлетворяться в юридических отношениях до их официального закрепления в нормах законодательства» [1, с. 18]. Действительно, данным утверждением косвенно констатируется наличие различных модусов реализации правовых притязаний субъекта права и опосредованно признается двойственность правовой реальности. Однако в таком случае может быть закономерно поставлен логический вопрос, до сих пор не разрешенный в традиционной концепции правоотношения, построенной на гипотезе одномерности бытия права: если притязания субъектов все-таки удовлетворяются до официального закрепления правовых отношений, то зачем еще дополнительно их оформлять в нормативном правовом акте?

На самом деле правовая норма и правовое отношение имеют более сложные пространственные и хронологические уровни соотношения, изучение которых представляется оптимальным именно в двух отдельных модусах – правовой реальности и правовой действительности.

Критические замечания к традиционному определению понятия правоотношения

Признавая значительный эвристический потенциал и практическую обоснованность классического подхода к исследованию правоотношения, все-таки следует признать, что его умозрительная характеристика в качестве одного из вида общественных отношений или как определенной системы (структуры), состоящей из субъекта, объекта и содержания, дает слишком абстрактные параметры правоотношения, которые сложно огульно применять в отраслевых юридических науках. Для преодоления указанных теоретических проблем предлагаем рассмотреть правоотношение как процесс, состоящий из цепочки юридических актов и (или) социально-правовых действий, локализованных в конкретных пространственно-временных пределах и имеющих определенную последовательность. Так, правоотношения по обращению в суд с исковым заявлением, заключению договора или осуществлению исполнительного производства в реальности могут иметь совершенно различные структурные и содержательные параметры в разных точках пространства и времени. Если игнорировать это, то анализ состава правоотношения через его элементарную совокупность (субъект, объект, субъективные права и юридические обязанности) сводится к абстрагированным характеристикам, основывающимся в лучшем случае на фиксировании параметров правоотношения лишь на одном

пространственно-временном промежутке, без учета его предыдущего и последующего состояния. Например, правоотношение по защите прав потребителя на своем протяжении может включать различные виды социального действия и юридического взаимодействия, способствующие такой защите. К предпосылке, но не непосредственной реализации защиты прав потребителя можно отнести распространение информации о товаре или услуге, установление режима работы торгового объекта или регулирование порядка оплаты товаров. В свою очередь правоотношением (либо их совокупностью), направленным на непосредственную защиту нарушенного права потребителя, является замена некачественного товара, возмещение убытков или уплата неустойки.

Более того, имеющийся традиционный структурный анализ правоотношения как состоящего из элементов не предполагает, что данные элементы на практике могут оказываться компонентами, также представляющими собой систему, но относящуюся к более низкому уровню структуры. Например, субъектный состав конкретного правоотношения может предполагать сложную совокупность его субъектов и иных участников, совершенно по-разному относящихся к объекту, обладающих различным правовым статусом и выполняющих совершенно разные обязанности. В каждой отрасли права найдется иллюстрация такого вида правоотношения, в котором присутствуют участники, непосредственно не реализующие, но содействующие реализации субъективных прав и юридических обязанностей субъектов.

Правоотношение как феномен, а не взятая в абстракции теоретическая или философская категория – сложное динамическое явление взаимосвязи и взаимодействия между субъектами, обусловленное процессами протекания их правового сознания. Уже в 80–90-х гг. XX в. признавалось, что связь юридических и иных общественных отношений в теории права надлежащего освещения не получила [1, с. 5], однако при этом характеристика правоотношения как урегулированного правом общественного отношения используется и в настоящее время. Классическая догматика права до сих пор не учитывает, что правоотношение представляет собой, кроме всего прочего, и социальный факт, «который можно было бы сопоставить с иными фрагментами социальной реальности и выявить характер их отношений с помощью научных либо находящихся в распоряжении обыденного сознания средств восприятия. Ее интерес ограничивается областью фактов, имеющих юридические (исключительно юридические. – *И. В.*) значения и последствия» [3, с. 77].

Определение правового отношения как общественного отношения, урегулированного нормой права, основывалось на логически обусловленной вынужденной констатации родо-видовой связи между общественным и правовым отношением, на основании чего можно было утверждать, что признаки рода (отношения общественного) можно переносить на характеристику вида (отношения общественного правового). При этом категория отношения как общественного рассматривалась в методологической парадигме материалистической философии и преимущественно во множественном числе, с акцентом не на саму суть общественного и также правового отношения, а на его виды (внешние параметры проявления). В свою очередь в юриспруденции, наоборот, чаще делался исследовательский акцент на внутренние характеристики правового отношения – его структуру и (или) состав (внутренние параметры проявления).

Дальнейшее противопоставление формы и содержания, проводимое классической теорией права при изучении правоотношения на основе диалектико-материалистической методологии, позволяло выявить и зафиксировать факты взаимосвязи юридической формы общественного отношения (юридической нормы) и содержания правоотношения (субъективных прав и юридических обязанностей) и случаи их несовпадения (правонарушение). Недостатком при этом являлся одномерный подход к причинно-следственной последовательности при реконструкции динамики правоотношения: правовая норма признавалась исключительно первопричиной, юридическим основанием возникновения правоотношения. В некоторых случаях данные выводы находили свое эмпирическое подтверждение, а иногда нет. Например, установление обязательного дорожного сбора порождает соответствующие правоотношения только после его юридического закрепления (простая линейная зависимость динамики правоотношения от возникновения правовой нормы). Но правоотношение по предоставлению цифровых услуг в области финансов в большей степени зависит не от правотворчества в соответствующей сфере,

а от наличия ряда иных условий – технической оснащенности, соответствующего программного обеспечения, гарантий информационной безопасности в области защиты персональных данных и ряда иных, более значимых в данном случае, по сравнению с нормативным закреплением факторов (сложная нелинейная зависимость динамики правоотношения).

Полагаем, что одной из причиной данной методологической погрешности указанного подхода к определению правоотношения является отсутствие обоснованного разграничения следующих феноменов: отношений между людьми (их взаимосвязи или взаимодействия) и собственно общественных (в данной работе синонимичных термину «социальный»).

При этом даже общеупотребляемое, словарно-справочное значение термина «общественный» предполагает вариативность. С одной стороны, слово «общественный» означает «относящийся к обществу и протекающий в нем, связанный с деятельностью людей в обществе (эндогенное свойство)». С другой стороны, прилагательное «общественный» толкуется как «относящийся к работе по обслуживанию политических, культурных, профессиональных нужд коллектива (экзогенная характеристика)». В таком случае использование прилагательного «общественный» применительно к правовой сфере в связи с его двойственным значением уже подразумевает различное понимание термина «правоотношение», широко интерпретируемого как вид общественного отношения.

На самом деле следует иметь в виду, что человек в процессе своей жизнедеятельности всегда обладает определенным отношением к социальному. В частности, социальная феноменология базируется на аксиоматичном утверждении, что любое отношение человека к окружающему миру является априори социальным, т. е. предполагающим общность времени и пространства с другими людьми. В пространственно-временных параметрах такая социальность проявляется в следующем: «Я, человеческое существо, родившееся в социальном мире и живущее там своей повседневной жизнью, воспринимаю его в опыте, организованном вокруг моего места в нем, открытом моим действиям и интерпретации, но всегда с учетом моей реальной биографически детерминированной ситуации. Во временном измерении в каждый момент моей биографии есть мои “современники”, с которыми я могу взаимодействовать и реагировать на их действия; “предки”, на которых я не могу воздействовать, но чьи прошлые действия и результаты доступны моей интерпретации и могут воздействовать на мои собственные действия; “потомки”, о которых я ничего не могу знать из опыта, но на которых я могу ориентироваться в своих действиях в более или менее содержательных предвосхищениях будущего (антиципациях)» [9, с. 18]. В соответствии с данным постулатом постановка вопроса о сущности правоотношения должна сводиться не к выявлению его «общественности», а к установлению его динамики и функционального предназначения.

Во-первых, традиционно понимание общественного отношения предполагало его «установленность», т. е. признавалась искусственность построения отношения, обусловленная целенаправленностью деятельности субъектов по вступлению в общественное отношение или внешним воздействием на них для возникновения данного отношения. Однако на самом деле общественные отношения – имманентный признак человека, свойственный его природе. На основании чего необходимо поставить более глобальный вопрос о том, существует ли антипод общественного отношения, т. е. бывают ли между людьми иные, необщественные отношения. Характерно, что уже Ю. И. Гревцов в своей концепции правоотношения доказал, что «существование общественных отношений невозможно объяснить из самих себя, их возникновение не является самоцелью. Они не могут быть оторваны от людей» [1, с. 24]. Аналогичным образом в литературе обнаруживалось отсутствие антипода человеческого поведения, в то время как для действия такая противоположность существовала – бездействие. Тённис в связи с этим утверждал, что нет такого существа, которое могло бы полностью противопоставить себя обществу [10, с. 69].

Даже отказ от общения или умолчание «предполагает включенность лица в ситуацию общения, когда требуется ответить на некоторый поставленный вопрос или высказать свое мнение по некоторому поводу» [11, с. 77–79].

Значит, любой человек, включенный в структуру социальных взаимосвязей, приобретает признаки отнесенности к обществу. Формулировка «общественное отношение», особенно используемая во множественном числе при определении множества «правоотношений», размывает границы термина «правовое отношение», что часто

делает его умозрительным и негативно влияет на его практическую апробацию, а также приводит к нагруженности философского термина юридическим содержанием.

С одной стороны, становится проблематичным признавать определенное множество общественных отношений в качестве правовых в силу того, что они по своему фактическому содержанию не совсем общественные и представляют собой соотнесенность человека не с субъектами, а с объектами окружающего мира (например, правоотношения по реализации технических нормативных правовых актов). С другой стороны, определение правоотношения как общественного отношения, урегулированного нормой права, приводит к логическому заключению, что любое общественное отношение, урегулированное нормой права, является правовым, что не всегда так, особенно в силу наличия в любой правовой системе ряда неэффективных, мертвых или спящих правовых норм, а также пробелов и иных правовых неопределенностей.

Во-вторых, взаимосвязь людей может присутствовать, но она не всегда получает объективацию, чувственно воспринимаемое материальное проявление (пространственную и временную локализацию) либо не имеет юридического оформления в правоотношении, что часто не разграничивается в классической теории правоотношения. В отличие от теории юридического факта, отделяющей понятие действия от деяния, включающего и бездействие, теория правоотношения не учитывает, что социальная практика изобилует так называемыми «негативными действиями», т. е. сознательным воздержанием от действия, которое не поддается чувственному наблюдению [9, с. 57]. Даже не поднимая проблем реальности духовной (нематериальной) взаимосвязи между людьми, достаточно выделить в качестве иллюстрации реальность правовых связей между супругами, которые длительный период находятся в незарегистрированном браке (отсутствие правоотношения), но совместно воспитывают детей (наличие взаимосвязи и взаимодействия). Либо, наоборот, находясь в зарегистрированном браке (наличие правоотношения), супруги полностью разрывают общение друг с другом (отсутствие брачных отношений как социальной взаимосвязи и взаимодействия).

Иной пример. При заключении договора поручительства поручитель и кредитополучатель часто связаны родственной, дружеской, профессиональной общностью (находятся во взаимосвязи и (или) взаимодействии). Правоотношение поручительства наступает между поручителем и кредитором в результате заключения договора, но реальное взаимодействие поручительства (выполнение поручителем обязанностей должника) может и не наступить, если должник добросовестно выполняет все свои обязательства перед кредитором. А вот для договоров, именуемых в гражданском праве реальными, правоотношение должно возникать одновременно с социальным взаимодействием и последующей взаимосвязью: заключение договора предшествует передаче вещи. Приведенный пример работает в правовой действительности. В правовой реальности обычно происходит обратная последовательность: сначала осуществляется передача вещи, а потом встает вопрос о договорных правоотношениях. В консенсуальных договорах такого совпадения вообще не требуется.

В-третьих, определение правового отношения как разновидности общественного отношения проблематично и со специально-юридических позиций. Категория общественных отношений в настоящее время используется при раскрытии признаков как предмета правового регулирования (предмет правового регулирования – это совокупность общественных отношений), так и правового отношения, что логически влечет вывод об их тождественности или, как минимум, однородности. Однако в юридической практике правовое регулирование как правотворческий или правоприменительный процесс имеет качественно иную природу, темпоральность и пространственную локализацию по сравнению с правоотношением, совпадая лишь в единичных случаях.

Полагаем, что пересмотр теории в указанном направлении и определение соответствующих точных границ терминов «правовое регулирование» и «правовое отношение» автоматически повлечет смену устоявшейся точки зрения о критериях деления системы права на отрасли по предмету и методу правового регулирования, на практике проявляющейся в разделении системы законодательства на иные отрасли, но по сходному предмету правового регулирования. Появится также возможность пересмотра вопроса о первичности правового регулирования перед общественными отношениями.

Однако, даже допуская возможность. но не целесообразность характеристики правового отношения как отношения общественного, следует учитывать, что не все связи между людьми могут быть общественными, а тем более правовыми.

Основания дифференциации правоотношения в реальности и действительности права

Проникая глубже в смысл термина «правоотношение», раскроем этимологию слова «отношение» в целом, без указания на его общественную принадлежность. В таком случае «отношение» рассматривается как взаимная связь различных величин, предметов, действий или направленность либо как математическая структура, которая формально определяет свойства различных объектов и их взаимосвязи. Данные лингвистические расхождения неслучайны и применительно к характеристике правоотношения наталкивают на следующие выводы, формируемые на уровне не узко-юридических, а междисциплинарных исследований. В таком случае термин «правовое отношение» необходимо рассматривать в двух плоскостях: взаимосвязи между субъектами и внешней формализации взаимодействия между ними.

Для правоотношений правовой реальности отношение проявляется как взаимная связь субъектов, при которой «вступить в отношение, всегда означает проявить общую природу с соотносящимся и обнаружить на этой основе отличие от соотносящегося» Для правовой реальности характерно наличие определенного единства субъектов, в соответствии с концепцией Ф. Тённиса, базирующейся на общности крови, места и (или) духа [10, с. 25]. Из такой общности происходит взаимопонимание: «Все, что соразмерно смыслу того или иного общностного отношения, что имеет смысл в нем и для него, составляет его право, т. е. принимается во внимание как собственная и существенная воля множества связанных друг с другом людей» [10, с. 30–34]. В свою очередь А. Шюц сходную общность именует «мы-группа» и признает принадлежность к ней собственного относительно естественного представления о мире, которое принимается ее членами как нечто само собой разумеющееся [9, с. 558].

Взаимодействие в правоотношении данного модуса бытия строится на основе взаимосвязи, обусловленной взаимопониманием субъектов. Такие правовые отношения непосредственно состоят из действий людей, преследующих самые различные цели в условиях адаптации к окружающей среде и лишь ориентирующихся на правовые нормы; их возникновение может определяться не обязанностью вступить в правоотношение, но заинтересованностью субъекта права в реализации своих интересов именно через правовые отношения. «Они уже осуществили выборку и проинтерпретировали этот мир в конструктах обыденного мышления повседневной жизни, и именно эти объекты мышления воздействуют на их поведение, определяют цели их действий и доступные средства их достижения, – короче, помогают им сориентироваться в природном и социокультурном окружении и поладить с ним» [9, с. 9].

Данное правоотношение строится на взаимном признании права, а характеристика взаимосвязи с субъектом проявляется в реализации интересов в контексте сосуществования в определенной общности, отношения взаимного настраивания между субъектами. Это отношение устанавливается взаимным участием сторон в потоках переживаний друг друга во внутреннем времени, их совместным проживанием настоящего и переживанием этой совместности как «Мы». Только в этом переживании поведение другого становится значимым для настроенного на него партнера [9, с. 591].

Если говорить о правоотношении как об общественном феномене на уровне правовой реальности, то его социальность обусловлена социальностью знания, информации как основы для интерсубъективного взаимодействия. Речь идет о таком знании, которое социально почерпнуто и социально одобрено, т. е. имеет социальное происхождение и авторитетность [9, с. 582], в терминологии Туори, это глубинные структуры права [8]. Сеть социально почерпнутого и социально одобренного знания конституирует внешнюю среду для основного социального отношения [9, с. 583].

В свою очередь нарушения общности вследствие разрушения естественной нормативности, взаимопонимания и взаимосвязи – причина возникновения связи иного, юридического качества. В ней образцы типизированных в правовой реальности конструктов обращаются в стандарты поведения, поддерживаемые уже не традиционными, привычными, а специальными,

юридическими средствами социального контроля, когда право приобретает функцию «защиты ожиданий» [8]. Не случайно при характеристике таких отношений юристы признают, что «субъекты права добиваются удовлетворения интересов, которые в особом порядке признаются и гарантируются государственной властью» [1, с. 24], и Ю. И. Гревцов называет их уже не правовыми, а юридическими.

Другими словами, в правоотношении правовой действительности субъекты осуществляют свои юридические возможности при условии исполнения возложенных на других юридических обязанностей. Юридические отношения имеют обоюдный характер, в них одна сторона может добиться результата, закрепленного в юридическом нормативе, только через «отношение» к другой стороне [1, с. 29]. Характеристика такого правоотношения как общественного проявляется в реализации субъективных прав через выполнение юридических обязанностей, обеспечиваемой посредством реального или потенциального внешнего принуждения.

В юридических правоотношениях взаимного признания права добивается заинтересованный субъект – инстанция (публичное обвинение) и (или) сторона правоотношения (частное обвинение). Социально почерпнутое и социально одобренное знание из правовой реальности заменяется юридическим знанием правовой действительности (знанием норм права), постоянно вынужденно верифицируемым на предмет валидности. От правоприменителя требуется двойная мыслительная операция. С одной стороны, аргумент, на котором основано его решение, должен установить, что социальная информация достаточно широко распространена в обществе, чтобы она способствовала приемлемости его решения. Но, с другой стороны, он должен быть в состоянии продемонстрировать, что он соответствует программе, составленной общей неопределенной концепцией. Эта двойная операция обеспечивает правовую и социальную легитимность конкретной нормы, на которую, по его мнению, судья будет ссылаться как на нормативную информацию. Понятно, что это особенно деликатно, когда общество глубоко разделено по ценностям, поставленным на карту, что делает консенсус невозможным – это «трудные дела»: суд тогда почти обязан принять решение о том, что можно было бы назвать судебным переворотом [12].

Вопрос первичности нормы права или правоотношения

В связи с предложенной интерпретацией двух модусов бытия права и, соответственно, правоотношений, теряет значение дискуссия о первичности правовой нормы или правоотношения. Если ранее в теории версия о первичности правовой нормы или правоотношения строилась на основе выявления прямой причинно-следственной связи (новая правовая норма впоследствии порождает соответствующее ей правоотношение), то на практике невозможно найти в чистом виде прямую корреляцию одной конкретной правовой нормы с аналогичным правоотношением. В предложенной концепции различения правоотношения правовой реальности и правовой действительности, как минимум, потребуется уточнение, в каком модусе бытия проявляется правовая норма, а в каком – правоотношение. Дело в том, что контекстом и факторами осуществления дискуссионной правовой нормы и правоотношения может служить большое количество других (правовых и иных) норм, а также стихийных регуляторов, правовых и иных связей и отношений, которые детерминируют их динамику и трансформацию (различные хронологические, социальные и юридические, нормативные и ненормативные уровни бытия права, определяемые персонально для каждой правовой нормы и правоотношения). Например, обязательство по ношению масок во время пандемии отличается от соответствующей обязанности. В первом случае предполагается самостоятельное социальное действие субъекта по надеванию маски в общественных местах, внутренняя концентрация локуса контроля на самом субъекте, основанные на формирующемся социальном знании об особенностях распространения инфекции и способах защиты окружающих от нее. В этом проявляется правоотношение правовой реальности.

Во втором случае происходит наложение обязанности ношения маски со стороны контрагентов в правоотношении (пассажир в такси просит водителя надеть маску, в противном случае отменяет заказ) или со стороны инстанции. Локус контроля смещается вовне. Реализация права коррелирует с выполнением обязанности. Естественная нормативность дополняется или заменяется юридическими требованиями (правопритязанием или возложением обязанности). Юридические требования

строятся на аргументации, опирающейся на валидные правовые и (или) нормативные правовые акты. Так проявляется правоотношение правовой действительности.

Постановка проблемы разграничения правонарушения и правоотношения

До настоящего времени теория права также не дает ответа на вопрос о разграничении или отождествлении правонарушения и правоотношения. Возможно, в качестве методологической базы поиска путей решения данной проблемы следует также попытаться принять разграничение правовой действительности и правовой реальности.

Правонарушение на уровне правовой реальности основано на нарушении целостности и взаимосвязей общности, утраты взаимопонимания. Его факт может являться или нет основанием для перехода в модус правовой действительности. В определенной степени это обусловливает то, что в современной теории права осуществляется разграничение вины на моральную и уголовную, а также рассматривается и наказание без перекладывания вины [13].

В связи с этим трудно согласиться с Ю. И. Гревцовым, признающим, что «именно вступление в правовое общественное отношение чаще всего является одним из основных и начальных шагов по приведению в действие механизма осуществления права. Невступление в правовое отношение в ситуациях, когда таковое предусмотрено или допускается законодательством, может означать с социальной точки зрения только, что человек обратился к иным способам достижения цели, нередко в обход закона и вовсе отказался от использования субъективного права и тем самым не обеспечил возникновения рассматриваемой разновидности социальных отношений» [1, с. 59]. Из данного утверждения следует, что «обход закона» в пользу других социальных норм, а также отказ от субъективного права характеризуется автором исключительно негативно, что может быть оправдано с юридических, но не с социально-правовых позиций. Например, деятельное раскаяние в уголовном праве может быть основанием освобождения от уголовной ответственности, что с формально-юридической точки зрения нарушает принцип неотвратимости ответственности, но с социально-правовой точки зрения может дать возможность преступнику проявлять сопереживание с пострадавшим и пытаться смягчить последствия содеянного в стремлении загладить свою вину. К тому же деятельное раскаяние способствует процессуальной экономии.

Аналогичным образом и отказ от субъективного права может иметь конструктивные социально-правовые последствия. Например, отказ супругов от права заключать брачный договор может быть обусловлен их взаимным признанием собственных обязанностей перед Богом во время венчания и (или) перед родственниками во время регистрации брака. Кроме того, в первом утверждении Ю. И. Гревцова речь идет о реализации права, а во втором – закона, т. е. делается логическая ошибка в виде подмены понятий.

Полагаем, что в приведенном выше тезисе Ю. И. Гревцова опосредованно констатируется две разновидности правоотношений, которые в настоящей работе отнесены к двум модусам бытия права: реальности и действительности.

Правонарушением в правовой реальности является невыполнение взятого на себя обязательства и по своей природе не является нарушением нормы права. Виновный в таком случае может претерпевать внутренние угрызения совести, терпеть репутационные издержки и подвергаться иному воздействию, которое относится к социальной, но не юридической ответственности. В крайнем случае, здесь может идти речь о проспективной юридической ответственности.

Правонарушением правовой действительности можно признать невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей, возложенных на субъекта контрагентом и (или) инстанцией в правоотношении. При этом необходимо признать, что в правоотношении правовой действительности реально имело место такое невыполнении обязанности, при котором произошло неосуществление (не полное осуществление) прав контрагента в правоотношении.

Определение понятия правоотношения в реальности и действительности права

Актуальными примерами правоотношения в правовой реальности можно назвать сложившееся в настоящее время правовое отношение экономики совместного потребления, которое развивается на взаимном доверии и взаимопомощи без юридического определения субъектов и детального опосредования их прав и обязанностей. Его аналогом в правовой действительности можно признать правоотношение аренды.

При этом правовое регулирование, т. е. трансформация таких правовых отношений из правовой реальности в правовую действительность заключается в поиске и выявлении наиболее типичных и устоявшихся общественных отношений пользования чужим имуществом, требующих своего упорядочения, и исключении нетипичных. Однако следует при этом иметь в виду, что возрастание анонимности (свойственное для перехода из правовой реальности в правовую действительность. – *И. В.*) влечет за собой убывание полноты содержания. Чем более анонимен типизируемый конструкт, тем он более далек от уникальной индивидуальности человека и тем меньше черт его личности и образцов поведения входят в типизацию как релевантные наличным целям, для достижения которых и создан этот тип. [9, с. 20].

В правовой реальности правоотношение проявляется в форме социального действия (дал взаймы другу, оказал помощь соседу на приусадебном участке, по своей инициативе надел защитную маску в общественном транспорте во время болезни гриппом). Здесь реализация права зависит от правового поведения самого субъекта социального действия, пожелавшего давать взаймы, осуществлять выполнение работы или защитить близких от вируса, и не находится в жесткой корреляции с деятельностью контрагента. В правовой действительности правоотношение – это юридическое взаимодействие, при котором реализация права возможна путем взаимного выполнения прав и обязанностей в договорных отношениях.

Однако следует отметить, что в таком случае классификация правоотношений на абсолютные и относительные демонстрирует отсутствие некоторого теоретического обоснования и не всегда находит свое практическое подтверждение.

В частности, традиционное отнесение правоотношения собственности к виду абсолютных правоотношений находит проявление исключительно в правовой реальности. Но в правовой действительности такое правовое отношение вынужденно трансформируется в относительное. Например, право собственника на купленную квартиру на уровне правовой реальности его повседневной жизни в данной квартире должны обеспечивать все – всякий и каждый обязаны воздерживаться от нарушения данного субъективного права. Но когда этот же собственник начинает сдавать данную недвижимость в аренду, передавать по наследству или даже заниматься официальной перепланировкой, то его правомочия как собственника существенно ограничиваются конкретными правами других сторон правоотношения и (или) инстанции, по отношению к которым у него появляются обязанности и черты относительного правоотношения.

Учитывая имеющиеся уже готовые языковые конструкции, предусматривающие смысловое различение юридического и правового отношения, а также рассмотренные выше критические замечания по поводу использования термина «общественное отношение» предлагаем называть правоотношения в правовой реальности *социально-правовым действием*, а в правовой действительности – *юридическим взаимодействием*.

Динамика правоотношений правовой реальности и правовой действительности обусловлена специфическими социо-психическими факторами. В правовой реальности механизм регулятивного воздействия основан на том, что английские психологи (Льюис, Ромене) сформулировали как теорему “lapsing intelligence (ошибающийся разум)” [10, с. 148]. В соответствии с ней действия, осуществляемые с участием мышления или, как у животных, с участием определенных актов восприятия или представления, становятся непроизвольными или бессознательными. Чтобы проявиться, такие действия нуждаются во все менее сильном или все более универсальном раздражителе: «процесс, всеобщее содержание которого состоит в срастании интеллектуальной деятельности с кинетическими импульсами вообще». Подвергая сомнению признание бессознательного в деятельности психически и физически здорового человека в состоянии бодрствования, согласимся в ином: сформулированный выше механизм формирует привычку как вторую натуру по отношению к инстинктам (третьей натурой признается память) [10, с. 155].

Интенциональность правового сознания субъекта правового отношения правовой реальности направлена на обычную реализацию потребностей и интересов при адаптации к окружающей действительности. Необходимость во внешнем контроле за таким поведением отсутствует, локус контроля у субъекта внутриличностно сосредоточен. Возникновение и окончание, стадиальность правоотношения правовой реальности заранее внешне не заданы, и может быть множество причин рассматривать что-либо

как правовую норму и обязательство. Некоторые из этих причин являются концептуальными, другие – эмпирическими или фактическими, а некоторые являются описательными или нормативными [8].

В свою очередь в правовой действительности субъекты права включаются в ту или иную форму юридического взаимодействия (правового отношения) при наличии «психической склонности обращаться к ней» [1, с. 18]. Еще одним необходимым параметром субъектов является «их обоюдная друг для друга ценность» [4, с. 179], а также возможность взаимного контроля и (или) контроля со стороны инстанции (происходит смещение локуса контроля). Если в правовой реальности субъект предоставлен сам себе, его поведение обусловлено «волевыми формами расположенности, привычки и памяти» [10, с. 189], то его вступление во взаимосвязь с другими на уровне правовой действительности полностью меняет положение дел – с необходимостью появляются «волевые формы осмотрительности, решения и понятия» [10, с. 188]. Условия и пространственно-временные (исковая давность, подведомственность и подсудность и т. д.) границы начала и окончания правового отношения правовой действительности, а часто и его стадийность, заранее формально определены.

Так, у Иоанна Златоуста встречаем замечательное выражение, иллюстрирующее границы локуса контроля в правовой реальности и правовой действительности: «До тех пор пока ты не взошел в суд, ты полный господин над собой, но как скоро переступишь за его порог, ты же подневольный другого, и сколько бы ни усиливался, не можешь уже располагать собой, как хочешь»[1].

В правовой реальности динамика правоотношения локализована пространственно-временными, статусно-ролевыми и морально-идеологическими границами физической реальности. Кроме нормативного социального воздействия на субъектов таких правоотношений, специфической нормативностью обладают также пространство и время: каждое правоотношение локализовано, имеет определенные физические границы и продолжительность существования. Примечательно, что в настоящее время рассматривается еще один вид нормативности, как нам представляется, имеющей существенное влияние на динамику правоотношений в правовой реальности. Это нормативность жизни [14], рассматриваемая в концепции витализма. В соответствии с ней свойственная для человеческого сознания нормативность кроется в зародыше жизни, а не относится лишь к социальному миру. Установление социальной нормы свойственно лишь живым организмам, нездоровый человек ограничен в формировании нормативности. На фоне отсутствия физической, химической или механической патологии возможно существование биологической патологии, но даже больной организм может структурировать нормативные отношения со своей средой. Человек как живое существо нормален в данной конкретной среде, как наиболее оптимальном морфологическом и функциональном решении, найденном жизнью в ответ на требования окружающей среды. Норму организм находит, торгуясь со средой. Жизнь постулирует ценности не только в социальной среде, но и в самом организме. Это биологическая нормативность. Если биологическая норма возникает одновременно с соответствующей биологической потребностью, то социальные нормы являются результатом противостояния различных социальных интересов и потребностей. В биологической жизни ценности не навязываются произвольно среде абсолютной субъективностью, но они возникают в «споре» между живым существом и его средой.

Кроме того, учитывая возможности в цифровом пространстве создавать дополненную реальность, необходимо констатировать особую нормированность цифровых правоотношений, обусловленную еще и техническими параметрами трансляции, получения и хранения информации.

В правовой действительности пространственно-временные, статусно-ролевые и морально-идеологические границы правоотношения дополняются юридической нормативностью, которая призвана нивелировать вызванные ограниченностью пространства, а также необратимостью времени столкновения и противоречия. Например, необходимость перехода из реальности в действительность права обусловлена возникающими коллизиями пространственных пределов. Субъект права в правовой действительности стремится изменить (скорректировать) будущее с целью «связать правовые последствия с ходом времени» [15, с. 116]. В иных случаях,

[1] *Свт. Иоанн* Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. URL: https://www.dmdonskoy.ru/sites/default/files/field/filepage/svt._ioann_zlatoust._besedy_na_evangelie_ot_matfeya.pdf

«государство применяет временные координаты для организации и упорядочивания общественных отношений. Делается это и с использованием нормативно-правового регулирования, и с помощью индивидуальных государственно-правовых или административно-правовых актов» [15, с. 116]. Например, правоотношения по договору поручительства в правовой действительности предусмотрены для случаев возникновения гипотетической необходимости отвечать перед кредитором при вероятной невозможности должника в будущем выполнять свои долговые обязанности. В свою очередь аналогичные правоотношения в правовой реальности могут состоять в дружеской или родственной помощи должнику выполнить обязательство.

В отличие от правовой реальности, в правовой действительности языком общения с контрагентом является норма права [4, с. 180]. При наличии такой склонности субъект права становится субъектом юридического отношения, носителем юридических прав и обязанностей. Интенциональность его правового сознания направлена на реализацию содержания правовой нормы и связана с признанием наличия и гарантией реализации субъективного права и (или) юридической обязанности внешней инстанцией, чаще всего, в лице государственных органов и должностных лиц. В таком случае, «ссылаясь на норму права, субъекты избавляют себя от лишних и обременительных объяснений собственной мотивации. И потому норма права приобретает экзистенциально важное значение аксиоматического основания поступка. Воля правомочного субъекта объяснению и правовой оценке не подлежит. Право освобождает человека от говорения на тему собственной состоятельности» [4, с. 180]. При этом признавая справедливость данного выражения, все-таки признаем спорным утверждение, претендующее на роль аксиомы о том, что регулирование посредством юридической нормы всегда «усиливает, утверждает, стабилизирует общественный способ взаимодействия людей» [1, с. 28].

Заключение

В результате проведенного исследования осуществлена типология правоотношения по онтологическому признаку бытия в правовой реальности или правовой действительности. В соответствии с ней предлагается изучение правоотношения как социально-правового действия и юридического взаимодействия. Однако следует учитывать, что «при любом социальном взаимодействии в системе внутренних релевантностей каждого партнера остается часть, не разделяемая другим. Отсюда вывод – степень готовности к принятию или непринятию навязывания внутренних релевантностей другого, согласию с ним или сопротивлению ему, видимо, можно было бы с выгодой использовать для классификации разных социальных отношений» [9, с. 566]. В связи с этой установкой типологию правоотношения методологически обоснованно продолжать в схеме определенной референции.

Далее между выделенными типами правоотношения правовой реальности и правовой действительности целесообразно определить границу перехода из первого вида правоотношения ко второму с дальнейшей отраслевой классификацией рассмотренных типов на виды. Эта необходимость обусловлена тем, что понятие «тип» не является независимым, а всегда нуждается в дополнении. Нельзя говорить просто об «идеальном типе» как таковом; мы должны указать схему референции, в которой этот идеальный тип может быть использован, т. е. проблему, ради которой он был сконструирован [9, с. 90].

Предложенная концепция правоотношения как социально-правового действия и юридического взаимодействия, существующих соответственно в правовой реальности и действительности права, является условной и применимой в чистом виде лишь в познавательных целях. Например, в юридической литературе по проблеме конвенциональности процессуальных актов указывается, что данные акты являются процессуальными действиями с точки зрения судебного разбирательства, и в то же время они выступают актами коммуникации – с точки зрения процесса общения в этих процессах [16]. Так, на практике достаточно часто происходит пересечение или взаимное наложение одного типа правоотношения на другой.

Список литературы

1. Гревцов Ю. И. Правовые отношения и осуществление права. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 128 с.

2. Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5 (298). С. 27–45.

3. Пермяков Ю. Е. Возможен ли спрос на теорию права: правовые суждения в контексте правовых коммуникаций // Право и государство. 2015. № 3 (68). С. 75–80.

4. Пермяков Ю. Е. Обратная перспектива в философском познании права и практической юриспруденции // Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания : материалы междунар. науч. конф. 15–17 нояб. 2007 г. СПб. : Факультет философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. С. 179–181.

5. Jakubiec M. Legal Concepts as Mental Representations // International Journal for the Semiotics of Law = Revue internationale de Sémiotique juridique. 2021. URL: https://doi.org/10.1007/s11196-021-09853-7

6. Максимов С. И. Идея политики права Л. И. Петражицкого и ее современное значение // Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания : материалы междунар. науч. конф. 15–17 нояб. 2007 г. СПб. : Факультет философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. С. 69–72.

7. Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления : [моногр.]. Харьков : Право, 2002. 327 с.

8. Dyrda A., Gizbert-Studnicki T. The Limits of Theoretical Disagreements in Jurisprudence // International Journal for the Semiotics of Law = Revue internationale de Sémiotique juridique. 2020. https://doi.org/10.1007/s11196-020-09795-6

9. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.

10. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Скляднева. СПб. : Владимир Даль, 2002. 452 с.

11. Мясников А. Г., Мясникова О. А. Право на отказ от общения (Кант и современность) // Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания : материалы междунар. науч. конф. 15–17 нояб. 2007 г. СПб. : Факультет философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. С. 77–79.

12. Moor P. Le droit et ses limites: le juridique et le non-juridique // International Journal for the Semiotics of Law = Revue internationale de Sémiotique juridique. 2020. https://doi.org/10.1007/s11196-020-09776-9

13. Porro C. Criminal Blame, Exclusion and Moral Dialogue // Criminal Law and Philosophy. 2021. № 15. P. 223–235. https://doi.org/10.1007/s11572-021-09563-y

14. Vissio G. Reasoning in Life: Values and Normativity in Georges Canguilhem // International Journal for the Semiotics of Law = Revue internationale de Sémiotique juridique. 2020. № 33. P. 1019–1031. https://doi.org/10.1007/s11196-020-09786-7

15. Залесский В. В. Фактор времени в гражданских правоотношениях // Журнал российского права. 2006. № 9. С. 114–121.

16. Gmerek K. Procedural Acts as Double-Conventionalized Acts: Considerations on Conventional Acts Performed in a Courtroom Discourse // International Journal for the Semiotics of Law = Revue internationale de Sémiotique juridique. 2021. № 34. P. 473–495. https://doi.org/10.1007/s11196-020-09681-1

References

1. Grevtsov Yu. I. *Legal Relationships and the Implementation of Law*. Leningrad: Leningrad University Publ.; 1987. 128 p. (In Russ.).

2. Polyakov A. V. Normativity of Legal Communication. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 2011;5:27-45. (In Russ.).

3. Permyakov Yu. E. Will the Demand for a Theory of Law Be Possible: Legal Judgments in the Context of Legal Communications. *Law and State*. 2015;3:75-80. (In Russ.).

4. Permyakov Yu. E. Reversible Perspective in the Philolosophical Cognition of the Law and Practical Jurisprudence. In: *Philosophy of Law in Russia: Theoretical Principles and Moral Foundations*. Saint Petersburg: Faculty of Philosophy and Political Science, St. Petersburg State University Publ.; 2007. P. 179–181. (In Russ.).

5. Jakubiec M. Legal Concepts as Mental Representations. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2021. https://doi.org/10.1007/s11196-021-09853-7

6. Maksimov S. I. L. I. Petrażycki's Idea of the Policy of the Law and Its Modern Meaning. In: *Philosophy of Law in Russia: Theoretical Principles and Moral Foundations*. Saint Petersburg: Faculty of Philosophy and Political Science, St. Petersburg State University Publ.; 2007. P. 69–72. (In Russ.).

7. Maksimov S. I. *Legal Reality: an Experience of the Philosophical Comprehension*. Kharkiv: Pravo Publ.; 2002. 327 p. (In Russ.).

8. Dyrda A., Gizbert-Studnicki T. The Limits of Theoretical Disagreements in Jurisprudence. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2020. https://doi.org/10.1007/s11196-020-09795-6

9. Schütz A. *Selected Works: The World Enlightened by the Sense*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ.; 2004. 1056 p. (In Russ.).

10. Tönnies F. *Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie*. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ.; 2002. 452 p. (In Russ.).

11. Myasnikov A. G., Myasnikova O. A. The Right for the Refusal of Communication (Kant and the Contemporary World). In: *Philosophy of Law in Russia: Theoretical Principles and Moral Foundations*. Saint Petersburg: Faculty of Philosophy and Political Science, St. Petersburg State University Publ; 2007. P. 77–79. (In Russ.).

12. Moor P. Le droit et ses limites: le juridique et le non-juridique. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2020. https://doi.org/10.1007/s11196-020-09776-9 (In French).

13. Porro C. Criminal Blame, Exclusion and Moral Dialogue. *Criminal Law and Philosophy*. 2021;15:223-235. https://doi.org/10.1007/s11572-021-09563-y

14. Vissio G. Reasoning in Life: Values and Normativity in Georges Canguilhem. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2020;33:1019-1031. https://doi.org/10.1007/s11196-020-09786-7

15. Zalesskii V. V. Time Factor in the Civil Legal Relationships. *Journal of Russian Law*. 2006;9:114-121. (In Russ.).

16. Gmerek K. Procedural Acts as Double Conventionalized Acts: Considerations on Conventional Acts Performed in a Courtroom Discourse. *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2021;34:473-495. https://doi.org/10.1007/s11196-020-09681-1

Поступила | Received
1.08.2021

Поступила после рецензирования и доработки | Revised
16.10.2021

Принята к публикации | Accepted
18.10.2021